

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ К. МАРКСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-42-60 УДК 316.3; 316.4.06; 316.48; 321; 330; 330.85

ИДЕИ И ОШИБКИ МАРКСИЗМА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МАКРОСОЦИОЛОГИИ

Розов Николай Сергеевич,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
заведующий кафедрой социальной философии и политологии
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1;
профессор кафедры международных отношений и регионоведения
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
ORCID 0000-0003-2362-541X
nrozov@gmail.com*

Аннотация

Обсуждаются наиболее общие социально-философские и макросоциологические идеи марксизма. Рассмотрены основные аргументы тезиса о социально-экономическом характере «базиса» при отнесении политики, государства и всей духовной и культурной сферы к «надстройке», представлена критика по каждому из них. Значимость материального производства для социальных процессов и исторической динамики не отрицается, но показано, что наряду с этим фактором всегда действуют другие, не менее, а иногда более сильные факторы. Признается справедливость критики Ф. Энгельсом наивной аргументации Е. Дюринга в пользу тезиса о первичности власти и насилия, но проведенный анализ имплицитно скрытых социальных отношений собственности показывает фундаментальный характер не только отношений власти и насилия, подкрепляющих собственность, но также нормативных культурных образцов и психологических установок. Технологический прогресс теряет статус главного движителя исторической динамики и социальной эволюции. Он остается весьма важным фактором, но лишь среди иных, не менее значимых драйверов изменений. Социальные революции действительно нередко устраняют ставшие неадекватными политические формы, но также отнюдь не являются ни единственными, ни главными факторами таких перемен. Государство вовсе не является «орудием» класса эксплуататоров (феодалов, капиталистов). Государство и государственный класс (чиновники) – это почти всегда самостоятельный субъект со своими интересами, картинами мира, ресурсами. Марксизм твердо ассоциируется с борьбой за социальную справедливость, против классового неравенства, про-

тив эксплуатации человека человеком, против порабощения. Поскольку люди продолжают стремиться к повышению своего социального статуса, классовая поляризация, та или иная мера эксплуатации и социального неравенства всегда имеют место, прорываясь через все попытки ограничений и уравнивания. Это означает неизбежность спроса на социальную справедливость, которая питала, питает и всегда будет питать высокую посмертную репутацию Маркса и обеспечивает появление всё новых и новых приверженцев марксизма.

Ключевые слова: марксизм, социальная онтология, экономцентризм, политэкономия, базис и надстройка, отношение собственности, роль насилия в истории, сущность государства, технический прогресс, социальная справедливость.

Библиографическое описание для цитирования:

Розов Н.С. Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 2. – С. 42–60. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-42-60.

Споры о том, кем был Карл Маркс прежде всего – экономистом, социологом, политологом, историком или философом, имеют простое и ясное решение: Маркс был и остается одним из крупнейших макросоциологов наряду с Эмилем Дюркгеймом и Максом Вебером. Разумеется, труды К. Маркса и Ф. Энгельса имеют также социально-философский характер, поскольку трактуют наиболее общие и абстрактные вопросы социальной онтологии, теории познания, этики и аксиологии. К тому же до 1970-х гг. макросоциология не только своего имени не имела, но сама оставалась частью социальной философии, скрываясь под названиями «политическая философия» (как принято обозначать идеи Платона в «Государстве», Аристотеля в «Политике»), а также труды Макиавелли, Вико, Бодена, Локка, Монтескье), «философия истории» (Вольтер, Гердер, Кант), «социология» (О. Конт), «исторический материализм» (К. Маркс и Ф. Энгельс), «морфология культуры» (О. Шпенглер), «история цивилизаций» (А. Тойнби) и т. д.

Учение Маркса многослойно. Вполне удачно обозначил иерархию абстрактности этих слоев американский макросоциолог Артур Стинчкомб [17]:

- *общие идеи об онтологии, причинности и гносеологических предпосылках*, касающиеся того, что может считаться фактом, какие формы логической аргументации принимаются как достоверные. Таков «общий аргумент Маркса о том, что материальный мир существует и все наблюдаемые явления имеют материальные причины, есть пример такого уровня» [17, р. 48–49];

- *представления о видах причин и причинных структурах*, используемых при объяснении разнообразных явлений. Сюда относится, в частности, марксово представление о том, что общественные отношения в производительных деятельности создают интересы и мотивы, которые люди пере-

носят в другие сферы жизни [17, р. 49] (здесь имеются в виду философские онтологические основания и общенаучные основания [8, гл. 2]);

- *широкие различия классов явлений*, каждый из которых имеет особый тип объяснений, либо явления одного класса считаются причинами явлений другого класса. Маркс различал множество властных отношений и права собственности («отношения собственности на средства производства», или «производственные отношения»), которые, по его мнению, имели большое число эффектов и, в свою очередь, были систематически обусловлены исторической стадией экономического развития;

- *идеи о том, что причины явлений одного широкого класса, вероятно, являются переменными в другом широком классе явлений*. Маркс утверждал, что большая часть политических явлений должна быть объяснена отношениями собственности;

- *объяснительные теории*, состоящие в том, что одна отдельная переменная широкого класса явлений объясняет отдельную переменную (или множество переменных) в другом классе явлений. Например, Маркс утверждал, что бонапартизм («популистская диктатура», как мы назвали бы ее сегодня) был обусловлен преобладанием «мелкобуржуазного» способа производства (характеризуемого представителями малого бизнеса и мелкими фермерами). Он считал, что мелкий буржуа (особенно вышедший из крестьян) одновременно стремился к уравнительности и имел трудности в организации класса, нуждаясь, таким образом, в демократически ориентированной диктатуре [17, р. 50];

- *эмпирические следствия из теорий*, описывающие наблюдения, которые могли бы быть сделаны, если бы теория была верна. Так, Маркс утверждал, что если мелкобуржуазное производство приводит к бонапартизму, то Луи Бонапарт во Франции должен был иметь сильную поддержку со стороны мелкобуржуазных групп. Современные марксисты могли бы утверждать, в свою очередь, что развитие бонапартизма в Египте или Мексике тоже будет поддержано мелкими крестьянами и мелкими бизнесменами, Стинчкомб однако отмечает, что в действительности диктатуры в этих странах наиболее широко поддержаны пролетариатом, что подрывает тезис Маркса;

- *суждения проверки*, т. е. утверждения, что наблюдения в отдельном случае поддерживают или отвергают эмпирическое уточнение теоретических положений. К этому ряду относятся марксовы утверждения о том, что фактически мелкобуржуазные группы поддержали Луи Бонапарта. Стинчкомб указывает, что поддержка Луи Бонапарту была оказана вовсе не мелкобуржуазной массой, а крупным бизнесом и крупными землевладельцами.

Заметим, что в части «верхних» – абстрактных – слоев Стинчкомб вполне благожелателен к идеям Маркса, никак не возражая ему. Начиная с *объяс-*

нительных теорий уже появляются контраргументы и возражения, основанные на фактах.

Здесь не место обсуждать поистине необъятный объем теоретических и фактологических суждений Маркса, оценивать их достоверность, сопоставлять с результатами современных исследований. Будем говорить только о принципиальных идеях Маркса и марксизма в макросоциологии и социальной философии. Критический анализ этих идей в сопоставлении с интеллектуальным наследием других столпов исторической макросоциологии, Вебера и Дюркгейма, особенно полезен для продолжающегося выстраивания фундамента этой старой и новой науки.

Марксистский тезис о том, что большая часть политических и «духовных», «идеологических» явлений должна быть объяснена отношениями собственности, является краеугольным камнем экономцентризма. При делении сфер социально-исторического бытия на «базис» и «надстройку» (нем. *Überbau*, англ. *superstructure*) в первый попадают производительные силы, производственные отношения, экономические классы, а во вторую – политика, государство, насилие, а также «общественное сознание» (материалистический аналог «духа» в немецком идеализме). Основная аргументация этого важнейшего для марксизма тезиса включает следующие компоненты:

1) изначально были только сообщества индивидов, воспроизводившихся не только физически (через деторождение, как все животные), но также через материальное производство и соответствующие отношения. Такова историческая первичность, ей должна соответствовать логическая первичность анализа. Неявно на этом основана и онтологическая первичность: действительно, все остальное в истории появляется и исчезает, а материальное производство неизбежно [6, 7];

2) правители осуществляют власть и насилие всегда с помощью каких-то материальных средств (прежде всего оружия), пользуясь богатством (армию, полицию, чиновников надо кормить, содержать). Все эти средства произведены в сфере экономики, а любое богатство изначально появилось благодаря труду, производству – отсюда первичность, «базисность» экономической сферы. Об этом в разных работах писал Маркс, но наиболее ярко эти мысли выразил Энгельс в главе о насилии в своем «Антидюринге»;

3) благодаря неуклонному техническому прогрессу развиваются производительные силы, вслед за ними меняются производственные отношения, тогда как политические формы ригидны, постепенно перестают быть адекватными этой паре и подвергаются слому в ходе социальных революций – таков центральный тезис знаменитого Предисловия к «Критике политической экономии» Маркса [6];

4) государство является орудием господствующего класса для подавления класса эксплуатируемых, а интересы эксплуататоров – экономические;

5) «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [7, с. 25]; поскольку в жизни базовый характер имеет производство материальных благ и экономические отношения (см. выше), значит, сознание, идеи, религии, идеологии и прочее также входят в «надстройку» и определяются этим экономическим «базисом».

Следует признать, что все эти аргументы выглядят убедительно. До сих пор для многих марксистский экономцентризм остается непререкаемой истиной. Даже такой глубокий и широко эрудированный социальный мыслитель, как А. Стинчкомб, не нашел, что возразить. Однако серьезные возражения и дополнения есть по каждому пункту. Рассмотрим их последовательно.

1. Рассмотрение начальной стадии существования человечества – первобытности – как материального производства орудий труда вкупе с глубоко экономическими отношениями является ошибкой, вернее, такой абстракцией, которая вводит в заблуждение. Верно, что люди всегда приспосабливались к экологическим условиям окружающего ландшафта. Однако разнообразие форм их общения и взаимодействия отнюдь не определялось производственными отношениями. Типы солидарности, связанные со сложными системами родства и порядками заключения браков, половозрастные иерархии, правила поведения и табу, племенные тотемы, мифы, ритуалы, отношения конфликтов и союзов с соседями, борьба за территории, договоренности о границах угодий, вытеснение слабейших, расселение – вся эта сложность отношений отнюдь не детерминирована материальным производством. При сходных производственных уровнях и укладах наблюдается широчайшее разнообразие социальных форм, и наоборот, сходные социальные, политические формы (семья, род, бигмен, чифдом) могут сопутствовать весьма различным производственным укладам [2].

Действительно, «орудия труда» (изначально охоты, рыбной ловли, собирательства) всегда должны соответствовать условиям окружающей среды. Но почему данное сообщество попало в этот ландшафт? Отмечаем романтическую жажду странствий и стремление к перемене мест. Люди меняют привычную среду обитания, только когда она перестает быть комфортной и становится опасной, неприемлемой. Поскольку в первобытную эпоху люди были слишком малочисленны и слабы, чтобы радикально испортить свою среду обитания, главными факторами расселения по планете остаются два: демографическое давление, откуда нехватка пищи, и геополитическое вытеснение – более многочисленные и воинственные

стгоняют слабых с кормящей территории на окраины, вынуждая преодолевать их реки, горы, пустыни, проливы, даже моря и океаны.

Нет сомнений, что взаимодействие человека с природой, материальным миром, создание людьми вокруг себя рукотворной «второй природы», производство благ – это необходимая и неизбывная часть человеческого существования. Основательное философское утверждение этого тезиса остается одной из главных заслуг Маркса и Энгельса. Но данную истину следует отличать от экономцентризма. Демография, геополитическая динамика, связанная с борьбой за землю, расселение, борьба за власть и влияние внутри общества, создание и распады союзов на основе родства, соседства, языковой и культурной близости, военно-стратегических интересов – все эти сферы взаимодействий, во-первых, не менее древние, чем производство орудий; во-вторых, не детерминированы материальным производством; в-третьих, сами порождают условия и мотивы для того или иного типа производства [2, 3]. Поэтому данный марксистский аргумент экономцентризма является ошибочным и должен быть отвергнут.

Убежденные марксисты, сталкиваясь с возражениями такого рода, обычно ссылаются на положение об «обратном воздействии надстройки на базис». Однако принятый порядок дара-отдара, обмена, взносов в общине запасы, дани вождю, землевладельцу, религиозной общине или церкви, воздействие государственного налогообложения, рыночного спроса, военных потребностей и прочее детерминирует характер производства ничуть не менее, а зачастую гораздо более, чем характер производительных сил и производственных отношений. Поэтому данная оговорка никак не спасает положение. Корректное решение просто и радикально: вовсе отказаться от схемы «базис/надстройка», заменить ее на взаимодействие нескольких автономных динамических сфер, состав и отношения между которыми обсудим далее.

2. Что касается отношения «первичности» между собственностью-богатством и властью-насилием, то верному его пониманию помешал Евгений Дюринг, который весьма неудачно обосновал первичность насилия через некий изначальный акт утверждения господства, представленный через метафору Робинзона и Пятницы. Гораздо более исторически подкованный и социологически подготовленный Ф. Энгельс в своих главах о насилии («Анти-Дюринг») столь успешно и убедительно разгромил слабые аргументы Дюринга, что марксисты по сию пору в каждом споре о роли насилия в обществе и истории ссылаются на эти главы. Доводы Энгельса кажутся им настолько безупречными, что дальнейшие дискуссии они считают излишними. И напрасно.

Лейтмотивом аргументации Энгельса является постоянное присутствие в политическом господстве (в том числе посредством насилия) произве-

денного оружия и материальных ресурсов, позволяющих содержать силы принуждения. Однако ни Дюринг, ни Энгельс не анализируют саму социальную природу отношения собственности, принимая его как простое и очевидное: «господин имеет оружие», «монархи, знать, государство имеют материальный ресурс (продовольствие, деньги) для содержания вооруженных отрядов».

Однако «владеть», «иметь в собственности» – это отнюдь не простое бинарное отношение между 1) *собственником* и 2) *предметом собственности*. К указанным двум добавляются 3) *остальные* (кто может претендовать на этот предмет, но не владеет им), 4) *центр власти и силы*, 5) *авторитеты* (мудрец, совет старейшин, суд), к которым апеллируют при конфликте, и 6) *писаная или неписаная норма* (обычай, принцип, закон) – часть социального и ментального порядков, на которую ссылаются для подтверждения своих прав собственности и на основе которой авторитет выносит решение, а центр силы действует для восстановления нормы в данной ситуации.

Позиции 4 и 5 могут быть совмещены в правителе, который и вершит суд, и обладает силой исполнения приговора. Структура отношений может быть, напротив, более сложной, когда позиция 4 разделяется на политическую власть и орган, способный к прямому физическому насилию. В любом случае указанные позиции неустранимы. Структура собственности еще более усложняется при наличии нескольких противоречащих друг другу норм, двух и более авторитетов, центров власти и силы и т. д.

Что означает такая структура в плане социальной онтологии? Собственность оказывается не простым «натуральным» отношением, а весьма сложным, включающим возможность апелляции к политической власти, авторитету, которые обычно подкреплены способностью применять насилие или призывать соответствующую инстанцию (организованную и обученную вооруженную силу). То есть в самой социальной сущности собственности *уже* присутствуют власть и насилие.

Сюда же включены авторитет и норма – здесь уже символические моменты морального, религиозного, правового порядка (институциональности) образуют представления о «справедливости», «легитимности» владения. В реальной жизни иногда обходятся и без этого компонента, когда бандитами или завоевателями используется только «голое право силы». Однако такая собственность всегда остается конфликтной, «нелегитимной», неустойчивой. Каждый, кто пытается сделать ее прочной и долговременной, должен так или иначе оправдывать ее, особенно перед другими центрами власти, силы и авторитета, а значит, апеллировать к той или иной норме, заручаться поддержкой авторитета и институтов.

Значит ли сказанное, что «базис» составляют власть, насилие, символическая нормативность, а экономическое отношение собственности от-

сылается в «надстройку»? Такой взгляд тоже неверен, и для его опровержения вполне годятся классические аргументы Энгельса против Дюринга. Решение же остается прежним: схему «базис/надстройка» следует отвергнуть, а место ее занимают сложные порядки взаимодействия между сферами производства, собственности, богатства (экономика), власти, господства, влияния (политика), физического воздействия, разрушения, безопасности (сфера насилия, внутреннего порядка и геополитики), моральных, религиозных и правовых норм, святынь, ценностей, принципов (символическая сфера, духовная культура). Собственно, через этот анализ мы пришли к классической веберовской структуре, которую Майкл Манн обозначил как четыре главных источника могущества [14].

3. Вряд ли нужно спорить с тезисами о неуклонности технического прогресса, соответствующего развитию производительных сил, изменения производственных отношений при инертности, ригидности политических форм. Возражение вызывает единственность и даже главенство фактора технического прогресса.

Демографическая динамика, геополитическая динамика с войнами, созданием и распадом коалиций, объединением и разделением государств, обретением и потерей отдаленных провинций и колоний [11, 12, 14, 15], межсловные, религиозные и межэтнические конфликты, расширение и надстраивание рынков [4, гл. 6], их кризисы, а также автономная динамика символической, культурной сферы с подъемами, распространением и спадами религиозных, моральных, философских, социально-утопических и реформистских идей, включая развитие социальных и гуманитарных наук [5, 10], – всё это оказывает огромное влияние на сознание правителей, элит и широких масс, а значит, и на сферы деторождения, политики, войны и мира, рыночного спроса на товары и услуги, на сами мотивы и интересы изобретательства в технологиях. Таким образом, технологический прогресс теряет статус главного движителя исторической динамики и социальной эволюции. Он остается весьма важным фактором, но лишь среди иных, не менее значимых драйверов изменений.

Социальные революции действительно нередко устраняют ставшие неадекватными политические формы, но также не являются ни единственными, ни главными факторами таких перемен. Гораздо чаще устаревшие политические режимы слабеют, терпят военные поражения, завоевываются сильными соседями, распадаются [4, 11, 12, 14]. Другие режимы, в которых налажена политическая коммуникация между группами интересов, оказываются более гибкими и меняются посредством реформ, пусть и с зигзагами, через пробы и ошибки. Также типичными являются совмещения революционных попыток и реформ. В «Весне народов» 1848–1849 гг. революция победила только во Франции, однако во многих германских

государствах (включая Австрию), несмотря на поражение радикальных революционеров, были проведены важнейшие политические реформы в направлении демократизации.

Итак, развитие производительных сил и социальные революции на основе классовых конфликтов в современной макросоциологии признаются весьма существенными факторами, но только наряду с остальными, среди которых не менее (если не более) фундаментальный характер имеют демография, геополитическая динамика, рыночная динамика, религиозные и этнические конфликты, автономное развитие символической сферы.

4. Государство вовсе не является «орудием» класса эксплуататоров (феодалов, капиталистов). В современной макросоциологии признано, что государство и государственный класс (чиновники) – это почти всегда самостоятельный субъект со своими интересами, картинами мира, ресурсами [1, 4, 11, 15]. Действительно, для каждого государства наряду с отношениями со своим населением и элитами есть не менее (а зачастую более) важные отношения с другими государствами (сферы геополитики, геоэкономики и геокультуры).

В истории были редкие случаи исключений из этого правила. В частности, в Венецианской республике реальная власть принадлежала богатым коммерсантам, объединенным в выборные коллегиальные органы (Большой совет, Совет сорока, Совет десяти и др.), которые успешно ограничивали власть верховного дожа. Фактически государственный аппарат полностью подчинялся коалиции глав основных коммерческих родов и кланов Венеции. Сходным был период XVII–XIX вв. для Великобритании, где реальная власть принадлежала парламенту и образованному им правительству, а обе палаты включали представителей главных ресурсодержателей – знатных землевладельцев и буржуазии.

Неслучайно в обоих случаях речь идет о геоэкономическом и геополитическом лидерстве морских держав: Венеции в Средиземноморье, Великобритании в Северной Атлантике, а затем почти во всем мировом океане. Государство там действительно выступало орудием господствовавших экономических классов, но не только и не столько для эксплуатации собственного населения, сколько для трудовой и военной его мобилизации в целях достижения триумфальных успехов на внешней арене.

Однако в общем случае государство было и остается самостоятельным актором, часто сотрудничающим (вплоть до слияния) с классами основных ресурсодержателей, но никак не подчиняющимся им в качестве «орудия». Более того, при становлении абсолютистских государств и тем более персоналистских диктатур и деспотий государственный аппарат, пользуясь лояльной вооруженной силой, существенно ограничивал могущество крупных землевладельцев и буржуа, а иногда даже грабил и истреблял их

(как Иван Грозный расправлялся с боярами и коммерциализированным Новгородом).

5. Человеческое сознание действительно возникает в социальном и биологическом бытии, отчасти отражает, отчасти конструирует окружающий мир в восприятии, мышлении и практике, а сознание каждого индивида во многом детерминируется обретенными культурными образцами, опытом и позициями в социальном взаимодействии. В понимании этого состоит одна из важных заслуг основателей марксизма.

Возражение вызывает только тезис об исключительной, фундаментальной роли в жизни и общественном бытии таких компонентов, как производство материальных благ и сугубо экономические отношения. Вопросы безопасности, территориального контроля и могущества, политического влияния и власти, статуса, престижа, легитимности, причастности к святыням и ценностям, религиозной, национальной, культурной, этнической идентичности всегда были и остаются не менее, а зачастую гораздо более значимыми, чем материальное производство и потребление [3, 4, 12].

Верно, что каждое оружие должно быть произведено, каждая крепость, церковь, школа, мэрия и тюрьма должны быть построены, но производство здесь не детерминирует военные, политические, религиозные и культурные процессы, а само детерминируется ими. Примитивная схема «базис/надстройка» вновь рушится и уступает место сложному и плотному взаимодействию факторов из различных автономных сфер динамики.

Здесь нет смысла ломиться в открытую дверь и доказывать ошибочность фундаментальных положений марксовской политэкономии. Это уже сделано видными теоретиками в данной области, такими как Й. Шумпетер, П. Самуэльсон, Дж. Кейнс, Ж. Аттали и др. Давно отвергнута *трудовая теория стоимости*, поскольку стоимость определяется охватывающей сложной рыночной динамикой, которая выражается через колебания спроса и предложения, а вовсе не затраченными трудочасами.

Сложнее дело обстоит с *тезисом об эксплуатации рабочих* как присвоении капиталистами «прибавочной стоимости» и соответственно о «паразитизме» последних. Только самые догматичные и упертые марксисты способны отрицать сегодня, что предприниматели – главные акторы капиталистического производства, соединяющие его факторы (капитал, землю, рабочую силу, идеи) в условиях рыночной конкуренции. Предпринимательский труд – большой, напряженный, рискованный и исключительно важный, что не исключает, разумеется, возможности и реальности чрезмерной, несправедливой эксплуатации наемных работников.

Однако, как показал Й. Шумпетер, предпринимателей следует отличать от капиталистов, особенно тех, кто не участвует в управлении и пользуется рентой – доходами от уже рутинно поставленного производства [13].

Жить на ренту, не делая никакого трудового вклада, в том числе управленческого, – это действительно в каком-то смысле социальный паразитизм. Но запретить, пытаться искоренить его – значит нарушать права граждан распоряжаться своими активами, оставлять их в наследство детям и внукам, в том числе давая им возможность вообще не трудиться. Здесь принципы справедливости, равенства возможностей вступают в противоречие с экономическими свободами и правами. Проблема остается актуальной по сию пору, активно обсуждается в философии права, политической философии, этике и по-разному решается в разных обществах.

В *теории социальной революции* Маркс сводил ее причины к противоречию между производительными силами и производственными отношениями, а также к конфликту между эксплуататорами и эксплуатируемыми. В современных теориях революции (традиция Б. Мура, Т. Скочпол, Дж. Голдстоуна и др. [1, 4, 11, 15]) такими причинами признаются факторы геополитики, делегитимации власти и режима, слабости правительства, бюджетного дефицита и фискального кризиса, конфликта между государственным классом и ресурсодержателями, а также демографического роста, процессов модернизации и урбанизации. О многих этих факторах Маркс знал, упоминал (в своих терминах) при конкретном анализе революций, но в качестве привходящих конкретно-исторических обстоятельств, а в главную теоретическую концепцию революций не включал.

Оценка *социальной онтологии* Маркса не может быть однозначной. Прокламируемое деление всей социально-исторической сферы на «общественное бытие» и «общественное сознание» странно уже тем, что экономические отношения почему-то объявляются «материальными». Ясно, что ни чувственным восприятием, ни приборами «материальность» этих отношений никак не может быть зафиксирована. Сам тезис об их «материальности» может быть объяснен разве что пылом борьбы за «материалистическое понимание истории» против популярного тогда философского идеализма.

Странным также представляется тот факт, что гегельянец Маркс пренебрег одним из важнейших интеллектуальных достижений Гегеля – открытием особой онтологической сферы социального (включающей семью, гражданское общество и государство, т. е. *институты* в современной терминологии), которую Гегель обозначил как «объективный дух». Гегель в этом отношении существенно превзошел концепцию «трех миров» Поппера. Поппер не сумел выделить онтологическую специфику социального из «первого» (материального) мира, а Гегель сумел.

Тем не менее Маркс, принимая в философии крайне упрощенную схему разделения бытия и сознания, в своем анализе главных категорий политэкономии и философской антропологии («товара» и «сущности челове-

ка») формулирует весьма глубокие мысли об их природе как «совокупности общественных отношений» (см. 1-й том «Капитала»). Но структуры социальных взаимодействий, отношений, институтов, организаций как раз и составляют невидимые, но совершенно реальные сущности в *социосфере* как специфической сфере бытия наряду с материальным миром, *психосферой* (индивидуальная и групповая психика) и *культуросферой* (образцы, транслируемые в сменяющихся друг друга поколениях) [10, с. 14–19].

Пожалуй, в отношениях между этими четырьмя «мирами» (сферами бытия) действительно можно выделить некую обязательную платформу – материальный мир, тогда как остальные три являются надстроечными: об их существовании без материальных носителей и материальной среды ничего не известно, потому и говорить об этом не следует (согласно заключительному афоризму «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна). При этом материальный мир не то что без психики, социальных структур и культурных образцов, но и без жизни вполне себе обходится. Другое дело, что этот материальный мир преобразуется людьми во «вторую природу» уже согласно транслируемым в поколениях культурным образцам, воспроизводящимся социальным отношениям через идеи, цели, интересы, желания ныне живущих людей.

Психосферу и социосферу можно считать «первичными» в отношении культуросферы, поскольку первые два «мира» уже весьма развиты у высших стайных и стадных животных, тогда как их «культура» (передающиеся экстрасоматически образцы охоты, защиты, знаков оповещения, пения и других способов привлечения партнеров и т. д.) остается на сравнительно примитивном уровне. Человеческий язык как центральная система трансляции культурных образцов радикально перестраивает психику и социальные отношения, что делает возможным сосредоточение группового, а потом и индивидуального внимания на ситуациях вне «здесь-и-сейчас», на абстрактных и невидимых предметах, а это и означает появление собственно человеческого сознания.

Еще сложнее вопрос об *отношениях между сферами экономики, политики, насилия, престижа, солидарности/конфликта*, которые были в центре внимания главных столпов макросоциологии: Маркса, Вебера и Дюркгейма. Выше уже говорилось, что ранжировать их в схеме «базис/надстройка» не следует. Но это вовсе не значит, что они всегда равнозначны.

Действительно, известны эпохи, когда военные вожди сосредоточивают в руках власть, богатство, престиж. В другие эпохи на вершине иерархии находятся военно-политическая знать и священство, тогда как торговцами, ремесленниками, ростовщиками помыкают и их презирают. Были периоды, когда знаменитыми становились памфлетисты, писатели, философы, разного рода идеологи. Известны режимы, где доминируют чинов-

ники, соответствующие перераспределительные структуры и практики. Наконец, есть общества, в которых «правят деньги», т. е. откровенно доминируют имущественные элиты.

Судя по всему, эти различия объясняются одним и тем же принципом: те сферы, где структуры устойчивы и надежно воспроизводятся в поколениях, уходят из центра внимания, деятельность по их поддержанию становится рутинной, само собой разумеющейся, тогда как конфликтные, неустойчивые, тревожные сферы всегда занимают центр внимания, считаются важнейшими, а ответственные за успех в этих сферах группы и сословия получают высшие статусы.

Так, если экономический уклад не меняется столетиями, как в аграрных обществах, то главное значение обретает принадлежность земли, а это выводит на первый план военных вождей, способных к территориальным завоеваниям. Когда важно получить и сохранять лояльность элит и масс, мобилизовать их на войну, то почти вровень с военными поднимается священство. Если же границы стабильны, войны стали редкими, но идет напряженная борьба между политическими партиями, тогда первенство получают ораторы, идеологи, лидеры претендующих на власть группировок. Если при хорошо защищенных границах институциональная (прежде всего правовая) система общества настолько эффективна и надежна, что практически пропадает опасность потери богатства и социального положения при любых сменах политической власти, тогда значимыми становятся рыночная конкуренция в экономике и соревнование за престиж в областях технологии, литературы, искусства, философии, науки, спорта.

Теперь оставим макросоциологию и обратимся к *социально-этическим, ценностным аспектам* марксизма. Прежде всего обращают на себя внимание оправдание революционного насилия («повивальной бабки истории»), призывы к «энергичной диктатуре» (Новая рейнская газета, 14 сентября 1848 г.), рекомендации создавать для врагов режима «особые охраняемые места» («Катехизис» Ф. Энгельса), учреждать «трудовые промышленные армии, в особенности для земледелия», ликвидировать частную собственность, семью и ввести «официальную открытую общность жен» (Коммунистический манифест). Какие-то проекты не заладились (ликвидация семьи и общность жен), зато другие вполне: была успешно реализована «энергичная диктатура» с национализацией всей частной собственности, с массовым насилием и репрессиями, с созданием «особых охраняемых мест» (ГУЛАГ и концлагерей), трудовых армий в земледелии («колхозов») и т. д.

Несмотря на широко распространенное разочарование в реализации марксистских идей, сам Маркс и марксизм не только не теряют, но сохра-

няют и даже периодически наращивают общественное, политическое и моральное признание, причем большей частью не со стороны «угнетенных масс», а в среде интеллектуалов и политиков левого толка. В чем же дело?

Универсальным ответом является формула «Маркса не поняли и извратили». По крайней мере, вполне правдоподобно предположение, что сами Маркс и Энгельс, если бы увидели воплощение своих идей в ленинском и сталинском СССР, в маоистском Китае, на кастровской Кубе, в полпотовской Кампучии или в кимовской Северной Корее, были бы возмущены и подавлены. Как-никак изначально они боролись за «освобождение труда». Принудительные, диктаторские, насильственные средства они считали временным и необходимым периодом «родов» нового прекрасного коммунистического мира, а вовсе не продолжающимся долгие десятилетия кошмаром государственного террора. Но все-таки активного использования указанной оправдательной формулы недостаточно для объяснения неизбывного очарования марксизмом, особенно в среде левых интеллектуалов.

Недостаточным представляется и объяснение Шумпетера, считавшего, что успех марксизма как «подделки под религию» обусловлен его мимикрией под научный анализ, авторитетный благодаря рационалистическим тенденциям эпохи [13, гл. 1]. Рационализм уже давно не является мейнстримом в мировоззрениях элит и масс, однако привлекательность марксизма не угасает.

Загадка имеет два основных решения. Во-первых, Маркс – главный признанный классик критики капитализма и борьбы с капитализмом. Левые интеллектуалы хоть и разочаровались в государственном социализме советского типа, но остаются стойкими противниками капитализма, неустанно предсказывают его упадок, уповают на некое (весьма туманное) некапиталистическое устройство, которое придет на смену этому «царству наживы и отчуждения». В роли пророка «конца капитализма» Маркс незаменим, а классические труды марксизма навсегда останутся в качестве «священного писания».

Во-вторых, марксизм твердо ассоциируется с борьбой за социальную справедливость, против классового неравенства, против эксплуатации человека человеком, против «порабощения труда капиталом». Люди всегда стремятся к повышению своего социального статуса, как правило, через карьеру, обогащение, принадлежность к власти, элитам; и поскольку естественным образом складываются положительные обратные связи (богатые богатеют, бедные беднеют), то классовая поляризация, та или иная мера эксплуатации, социальной несправедливости всегда будет иметь место, несмотря на все реформаторские попытки ограничений и уравнивания.

А это означает *неизбывность спроса на справедливость*, которая питает и всегда будет питать высокую посмертную репутацию Маркса, появление всё новых и новых приверженцев марксизма.

Гораздо труднее говорить о значимости идей Маркса для развития философии, социальных наук вообще и исторической макросоциологии в частности: для такой задачи не хватит не только отдельной статьи, но и книги. Отмечу только, что Марксу мы обязаны первой серьезной попыткой создать *теорию истории* на научных основаниях, причем с опорой на эволюционный подход, сложные динамические взаимодействия разных сфер общественного бытия, с особым вниманием к социальным конфликтам, борьбе как значимому источнику развития, темам господства и эксплуатации, материальным основам жизни. Каковы бы не были ошибки марксизма, данные темы являются сейчас и останутся в будущем важнейшими ингредиентами макросоциологических исследований.

Литература

1. *Голдстоун Дж.* Революции: очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 192 с.
2. *Джонсон А., Эрл Т.* Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 548 с.
3. *Дьяконов И.М.* Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. – М.: КомКнига, 2007. – 384 с.
4. *Коллинз Р.* Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015. – 499 с.
5. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
6. *Маркс К.* Предисловие к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М., 1959. – Т. 13. – С. 5–9.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 3.
8. *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 655 с.
9. *Розов Н.С.* Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009. – 412 с.
10. *Розов Н.С.* Идеи и интеллектуалы в потоке истории. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 340 с.
11. *Скоцпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 552 с.
12. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009. – 328 с.
13. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

14. *Mann M.* The sources of social power. Vol. 1. A history of power from the beginning to A.D. 1760. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 549 p.
15. *Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy. – Boston: Beacon Press, 1966. – 418 p.
16. *Snooks Gr.* The dynamic society: exploring the sources of global change. – London; New York: Routledge, 1996. – 491 p.
17. *Stinchcombe A.* Constructing social theories. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. – 241 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2018 г.

Статья прошла рецензирование 13.07.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-42-60

IDEAS AND MISTAKES OF MARXISM IN THE LIGHT OF HISTORICAL MACROSOCIOLOGY

Rozov Nikolai,

Doctor of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law SB RAS,

8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Head of the Department of Social Philosophy and Political Science

Novosibirsk State University,

1, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Professor of the Department of International Relations and Regional Studies

Novosibirsk State Technical University

20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2362-541X

nrozov@gmail.com

Abstract

The paper discusses the most general social, philosophical and macrosociological ideas of Marxism. Marx and Engels used several arguments for their thesis on the socio-economic character of the “basis” when referring policy, state and entire spiritual and cultural sphere to the “superstructure”. Each of these arguments is partly right but mainly misleading. The importance of material production for social processes and historical dynamics is not denied, but along with this factor there are always others, no less, and sometimes more powerful ones. Dühring argued rather naively in favor of his thesis of the primacy of power and violence. The Engels’s counter-arguments are smart and sometimes sophisticated but should be revised. The analysis of social relations implicitly hidden in ‘property’ shows the fundamental nature of not only order, power and violence relations that reinforce property, but also the importance of normative cultural patterns and psychological attitudes. Technological progress loses the status of the main driver of historical dynamics and social evolution, it remains a very important factor, but only among other no less significant drivers of change. Social revolutions quite often eliminate the political forms that have become inadequate, but they are by no means the only, or the main, factors of such changes. The state is not at all an “instrument” of the class of exploiters (feudal lords, capitalists). The state and the state class (officials) are almost always an independent subject with their own interests, world vision, and resources. Marxism is firmly associated with the struggle for social justice, against class inequality, against the exploitation of man by man, against enslavement. As far as people continue to strive to improve their social status, class polarization, this or that measure of exploitation, social injustice always take place, and break through all attempts at restrictions and equalization. This means the inescapability of the demand for justice, which nourishes and will always nourish the high posthumous reputation of Marx, the emergence of more and more devotees of Marxism.

Keywords: Marxism, social ontology, economcentrism, political economy, basis and superstructure, property relations, the role of violence in history, the essence of the state, technological progress, social justice.

Bibliographic description for citation:

Rozov N. Ideas and mistakes of marxism in the light of historical macrosociology. *Idei i ideal'y – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 42–60. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-42-60.

References

1. Goldstone J. *Revolutions: a very short introduction*. Oxford, Oxford University Press, 2013 (Russ. ed.: Goldstoun Dzh. *Revolutsii: ochen' kratkoe vvedenie*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015. 192 p.).
2. Johnson A., Earle T. *The evolution of human societies: from foraging group to agrarian state*. 2nd ed. Stanford, Calif., Stanford University Press, 2000 (Russ. ed.: Dzhonson A., Erl T. *Evolutsiya chelovecheskikh obshchestv: ot dobyvayushchei obshchiny k agrarnomu gosudarstvu*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2017. 548 p.).
3. D'yakonov I.M. *Puti istorii: ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [The paths of history]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 384 p.
4. Collins R. *Macrohistory: essays in sociology of the long run*. Stanford, Stanford University Press, 1999. 328 p. (Russ. ed.: Kollinz R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti*. Moscow, URSS Publ., 2015. 499 p.).
5. Collins R. *The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Cambridge, Mass., Belknap Press of Harvard University Press, 1998 (Russ. ed.: Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1280 p.).
6. Marks K. Predislovie k kritike politicheskoi ekonomii [Preface to the critique of political economy]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 13 [Works. Vol. 13]. 2nd ed. Moscow, 1959, pp. 5–9. (In Russian).
7. Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 3 [Works. Vol. 3]. 2nd ed. Moscow, 1955. (In Russian).
8. Rozov N.S. *Filosofiya i teoriya istorii*. Kn. 1. *Prolegomeny* [Philosophy and theory of history. Bk. 1. Prolegomena]. Moscow, Logos Publ., 2002. 655 p.
9. Rozov N.S. *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical macrosociology: methodology and methods]. Novosibirsk, NSU Publ., 2009. 412 p.
10. Rozov N.S. *Idei i intellektualy v potoke istorii* [Ideas and intellectuals in the stream of history]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2016. 340 p.
11. Skocpol Th. *States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979 (Russ. ed.: Skochpol T. *Gosudarstva i sotsial'nye revolyutsii: sravnitel'nyi analiz Frantsii, Rossii i Kitaya*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2017. 552 p.).
12. Tilly Ch. *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva, 990–1992 gg.* [Coercion, capital, and European States, 990–1992]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2009. 328 p. (In Russian).

13. Schumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russian).
14. Mann M. *The sources of social power*. Vol. 1. *A history of power from the beginning to A.D. 1760*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 549 p.
15. Moore B. *Social origins of dictatorship and democracy*. Boston, Beacon Press, 1966. 418 p.
16. Snooks Gr. *The dynamic society: exploring the sources of global change*. London, New York, Routledge, 1996. 491 p.
17. Stinchcombe A. *Constructing social theories*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1987. 241 p.

The article was received on 18.06.2018.

The article was reviewed on 13.07.2018.